

«Щелкунчик» в пермском Театре балета Евгения Панфилова

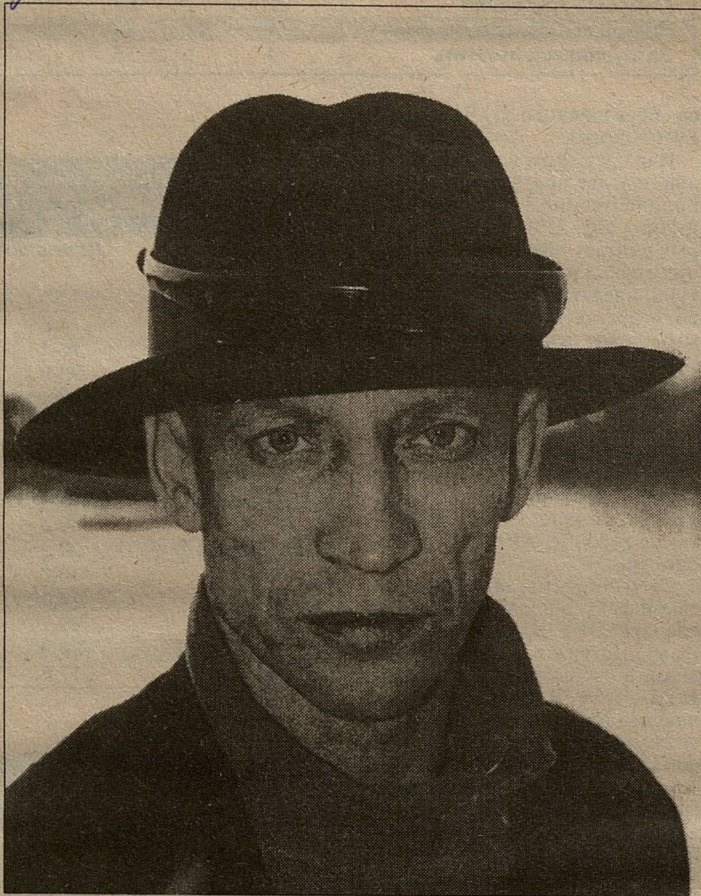
МЫШЕЙ БЕССМЕРТНАЯ ВОЗНЯ

Независимая пресса. — 2000. — 17 окт. — с. 7

Майя Крылова

ПРЕМЬЕРА «Щелкунчика» была специально подготовлена к рубежному событию в истории пермской труппы. Частный театр «Балет Евгения Панфилова» на двенадцатом году существования получил статус государственного. Тем самым 45-летний хореограф, долгое время не имевший главного (и чуть ли не единственного) танц-авангардиста страны, наконец получил официальный статус и исковое подтверждение собственного места в искусстве. Учитывая, что Панфиловым сделано около 60 балетов, его хорошо знают по всей стране и за границей, а дорогие по пермским меркам билеты (100 рублей на балкон) всегда раскупаются — решение пермского губернатора Геннадия Игумнова вполне назрело.

Балет ставился спешно, за три недели, и следы торопливости наблюдаются в окончательном варианте: автор многих качественных коротких балетов, Панфилов не всегда удерживает цельность формы в балете двухактном. Его «Щелкунчик» — смесь концепции с диверсификацией, на каком-то этапе, начинающем главенствовать и придающем композиционную рыхлость постановке — при том, что отдельные сцены (к примеру, Вальс черных снежинок или Розовый вальс) очень хороши, а номера, поставленные на музыку испанского, китайского и прочих «национальных» танцев, броско-зрелищны. Панфилов не только режиссер и хореограф, но и автор впечатляющей сценографии и костюмов. Действие длится на фоне и внутри плетеных проволоочных конусов, то опускающихся на сцену из-под колосников, то взмывающих вверх: и паутина, и мышеловка, и все что угодно. Заявленная диалектическая связь патетической сентиментальности и брутального начала мира реализуется в белом платье и белых ботиночках героини, в зонте-шляпе на голове Дроссельмейера, в спящем прожорке, которым герой разго-

Евгений Панфилов теперь возглавляет не частный, а государственный театр.

няет орду мышей, одетых в серые мундиры, брюки-галифе, черные очки. И в танцах панфиловского кордебалета, взаимодействующего с высокими стульями от стойки бара.

В этом балете-сне — две части: одна окрашена в черный и серый тона, другая расцвечена пестрым акрилом. Панфиловская фантазмагория не предполагает ни мотивов «романа воспитания», ни нарастания радости — двух китов, на которых строились отечественные танцевальные партитуры Чайковского и которые, как правило, вступали в противоречие с тайным и явным трагизмом музыки. (В фонограмме использована старая запись оркестра Большого театра под управлением Геннадия Рождественского, при этом отбро-

шена увертюра и сделаны некоторые купюры). От пермского «Щелкунчика» веет поистине шопенгауэровским пессимизмом. Эпиграфом Панфилов взял стихотворение Александра Володина: там строки о вечном дожде и снеге, который потерял белизну и стал черным, о героях, которые «грустно-веселы», об уставших Щелкунчиках, что «в броне мечты слепы, а в лучшем близоруки». Там рассказан весь балет — с его «рождественским гипнозом», «алловым маскараром», финальным — «и остается после сказки мышей бессмертная возня».

В интересе к ночной стороне души Панфилов совпадает с Гофманом, по чьей новелле написано либретто. Как ночь — черная версия дня, так невоз-

можно представить мир Гофмана без мотива двойника. И у Панфилова двойники множатся, отражаются друг в друге, как в зеркале. Щелкунчик и Принц: танец и костюмы героев так хитроумно взаимоменяются, что порой невозможно понять, кто кукла, а кто — восставший из нее человек. Мышиный король и Мышильда, королева грызунов — парный эквивалент и антагонизм дуэту Маши и ее кавалера (Щелкунчика-Принца). В финале — катастрофа. Все положительные герои исчезают со сцены: остаются только мыши, которые, как виллисы в «Жизели», похоже, затанцевали всех насмерть. А может, кончился завод в куклах. Или прошло наваждение...

Танцовщики Панфилова работают сверхстарательно — и производят соответствующее впечатление. И Сергей Райник (Щелкунчик), и Алексей Колбин (Принц), и Мышиный король (Алексей Расторгуев), и даже дебютантка Мария Тихонова (Маша), только что поступившая в труппу из местного хореографического училища, не дрогнув, воспроизводят предложенную Панфиловым хореографию. Принципы последней — построение свободного пластического «наворота» вокруг какого-нибудь крупного классического типа пируэта или кабриоля, сочетание выворотных пуантов с раскоряченной босой стопой и фронтальность построений, естественная для любимого Панфиловым типа балета-шоу. «Щелкунчик» — это тоже шоу, пусть и грустно-сумеречное.

После премьеры «Балет Евгения Панфилова» едет в Европу — еще раз прокатываясь успешно показанное там заливхвостское зрелище под названием «Русский соблазн» (танец казачок, канкан и «Половецкие пляски» в одном флаконе). В начале ноября вторая труппа Панфилова — «Балет толстых» — покажет в Москве спектакль «Бабы — год 1945». А весной мы увидим давний панфиловский шедевр — балет «Восемь русских песен». И совсем новый опус на музыку Рахманинова: он называется «Прекрасные дамы маркизов и русских князей».

Пермь-Москва